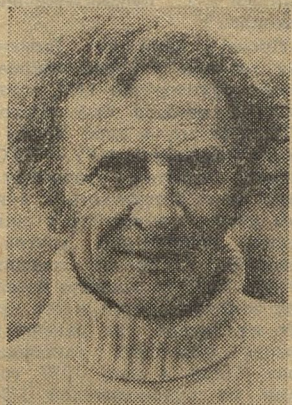

Марсель МАРСО:

ЛИЦО И МАСКА

● Марсель Марсо.
Фото ДПА — ТАСС.

Марсель Марсо — обладатель премии Гаспара Дебюсси и дважды премии «Оскар», лауреат Всемирного фестиваля молодежи и студентов, член западноберлинской Академии искусств и литературы, почетный председатель международных фестивалей пантомимы, Кавалер и Командор ордена Почетного легиона Франции. В его честь парижский Монетный двор выпустил специально изготовленную по эскизам Жака Мартена золотую медаль. И в этих больших наградах признательность его современников. Прекрасному искусству французского актера рукоплескали зрители более чем шестидесяти стран пяти континентов.

Но за всеобщим признанием, за мировой славой стоят долгие годы работы, трудные годы жизни...

Начинать знакомство с опозданиями... Но изменить ничего уже было нельзя. Непредусмотренный планам праздник, забывающий в эти вечерние часы улицы Парижа, беспощадно крал наше время в многоярдном потоке транспорта. Пробившись наконец на улицу Монте-тень, мы долго искали свободное место для стоянки машины. У самого Театра Шанз-Елизе, цели нашего маршрута, все уже было плотно установлено автомобилями. Служебный вход в театр был также найден не сразу, несмотря на то, что нас с моим спутником подгоняло не только время. Дождь лил не по-зимнему активно.

Мы опаздывали и опаздывали безнадежно.

До начала представления Марселя Марсо оставались считанные минуты и, конечно, ни о какой беседе с актером не могло идти уже речи. Но нас

приняли за кулисами тепло и добросердечно. С улыбчивым пониманием смотрели на стекающие с зонтов и плащей лужи. «Мы можем встретиться и после выступления», — интонация его голоса, манера держаться, без позы и кокетства популярной личности, успокаивала, располагала к доверительности и простоте общения. И лицо его, впервые увиденное мною «обнаженным», без грима, без хорошо знакомой всем нам белой маски Бипа, не таило в себе холодной вежливости и вынужденности гостеприимства.

Через два часа мы уже отогревались горячим кофе в артистической уборной Марселя Марсо, говорили о Париже и о Москве, о новом и старом в искусстве, о нашей молодежи, о зрителе и долге актера, о делах проделанных и планах на будущее. «Для меня прошлое и

будущее едины», — задумчиво говорит актер, не успевший еще переодеться после спектакля и снять грим. И это создавало удивительное ощущение — герой и его автор, его исполнитель сливались в нечто единое, они жили одной жизнью. Бип и Марсель. Марсель и Бип. Кто из них говорит? Кто молчит?

«Народ, который не имеет прошлого, не имеет и будущего. То же самое и в искусстве, и в жизни человека», — слышится голос Марселя. — Молодежь должна знать историю своего народа, своей страны. Она должна знать свои корни, и тогда она прочнее сможет держаться на этой земле. Народ, имеющий такую большую и героическую историю, как ваша, всегда будет силен. И эта сила помогает другим. Мы бы не выжили, если бы не Советский Союз и не его победа в Великой Отечественной войне...» Марсель замолкает, только продолжают двигаться его пластичные и гибкие пальцы. Лицо Бипа становится грустным и задумчивым. Уголки большого нарисованного рта опустились.

Может, в эти минуты Марсель вспоминает Страсбург, в котором он родился, провел детские годы и который вынужден был покинуть, как только Франция вступила во вторую мировую войну. Трагедия многих семей преследовала тогда и семью Манжелей (подлинная фамилия Марселя), они стали беженцами, а вскоре — борцами движения Сопротивления. В пе-

лях конспирации шестнадцатилетнему Марселю, связанному группы, которой руководил его старший брат, выдали фальшивые документы, в которых стояло имя одного из молодых республиканских генералов времен великой французской революции. Так «родился» Марсель Марсо. Ставшее впоследствии таким известным имя сохранило жизнь человеку, которому не раз приходилось перепрыгивать через Альпы в Швейцарию детей тех, кого преследовали фашисты, фабриковать хлебные карточки и документы для тех, кто подлежал отправке в трудовые лагеря гитлеровской Германии. Многие его товарищи погибли, нацисты убили в газовой камере отца. Когда поднялось национальное восстание, Марсель взял в руки оружие и не выпускал его уже вплоть до самого разгрома фашистов.

«Вряд ли достало бы мне мужества и хладнокровия повторить все это еще раз теперь», — вспоминал он впоследствии.

«Меня многое роднит с советскими людьми», — продолжает Марсель после недолгого молчания. — У меня много друзей в Ленинграде, Москве, Киеве. Я очень люблю вашу литературу — она мне близка и понятна. Когда я читал «Живые и мертвые» Константина Симонова, с которым меня долгие годы объединяла крепкая дружба, я чувствовал, что все это настоящее, это правда. И эту правду жизни я стараюсь нести и своим искусством. Например, программа «Бип вспоминает»

охватывает 50 лет жизни человека. Это его детство и юность. Радость и гармонию жизни нарушает война. Сколько несчастий и зла она приносит с собой...»

Тему войны, жестокости, людского безрассудства актер самым пристальным и тщательнейшим образом исследует в своих пантомимах, не оставляя на этот счет никаких сомнений, недомолвок. В этом мы не раз убеждались, знакомясь с программами французского актера, которые он неоднократно привозил в Советский Союз.

«Мне хотелось создать персонаж, в котором каждый человек мог бы узнать самого себя», — говорил Марсель Марсо, объясняя появление своего героя.

Но такому герою необходима была определенность собственной гражданской позиции автора, которая складывалась, как мы помним, прежде всего в продолжении творческой полемике с экзистенциалистами. Дело в том, что на философскую арену послевоенных лет выплыло новое направление, проявившееся как в литературе, так и в театральном искусстве. Глубоко потрясший страну мировой экономический кризис 1929—1933 годов, угроза фашизма, предотвращенная лишь решительными действиями народа, разгром в войне 1940 года с гитлеровской Германией и последовавшие четыре года оккупации, трудности послевоенного восстановления, распад колониальной империи, «грязные

войны во Вьетнаме и Алжире, длительное подчинение правящих кругов Франции униженному американскому диктату — тогда все это порождало у определенных кругов населения, испытавших трагическую тяжесть возникавших ситуаций, но не понимавших хода исторического процесса, пессимизм, отчаяние и ощущение безысходности. Эти настроения и были питательной почвой экзистенциализма, который рассматривал «конкретного человека» вне всякой совокупности формирующих его общественных отношений.

«Я уже неоднократно подчеркивал, что согласен с экзистенциалистами в том, что человеческая жизнь — это свобода выбора», — говорит Марсель. — Но только до этого момента. Далее наши пути расходятся... Для меня этот выбор всегда обусловлен очень большой самодисциплиной и ответственностью по отношению к другим людям...»

Время бежало незаметно, и темы, затронутые попервоначалу слегка и формально, вдруг разрослись в серьезный разговор, которому не могли помешать ни мимолетные деловые визиты административных работников, ни охотники за автографами, хотя актеру приходилось прерываться и обмениваться репликами с входящими.

«Для меня мим — в первую очередь актер. Актер трагиче-

ский или комический, актер, который выражает самую суть души человеческой в самые ее интимные минуты через пластику и жесты. Делая видимым невидимое, создавая новые драматические решения, изменяя соотношения между пространством и временем, актер-мим оказывает громадное влияние на современный театр. Искусство мимов — искусство изучения души человека; это искусство, не знающее ни границ, ни национальностей, и его целью является наиболее полное и правдивое выражение стремлений и надежд современного мира».

В этот вечер Марсель много говорил о важности создания специальной школы для подготовки артистов театра пантомимы. Кое-какие сдвиги уже есть. Ему удалось создать экспериментальный цех, который существует четыре года. Молодые ребята из двадцати стран учатся здесь фехтованию, драматическому искусству, классическому и современному танцу, а также другим дисциплинам.

«В ходе обучения молодые мимы должны почувствовать драматизм, овладеть всей «филозофией» жеста. Они должны глубоко переживать собственное творчество. А учителям надо стремиться к тому, чтобы сделать молодого актера поющей человеческой струной».

Маска Бипа оживает. Даже сквозь плотный слой белил чувствуется горячий темперамент и одухотворенность спрятанного за ней лица. Оставшаяся

часть разговора протекает уже в обществе группы молодых японцев, которые, видимо, накануне были приглашены сюда, в святая святых знаменитого мима, для очередного собеседования или консультации со своим учителем.

«Что касается моих планов, — улыбулись одновременно маска и ее хозяин, — то вот они — мои ученики, ростки разнообразной культуры пантомимы, которая со временем займет достойное место среди других муз. В этом году планируется много зарубежных гастролей. Хочу надеяться, что в скором времени вновь приеду в Советский Союз с новой программой. В свое время я поставил мимодраму «Шинель». Сейчас я вновь обратился к Гоголю, хочу создать пантомиму «Нос» по одноименному произведению русского писателя.

Мне есть что рассказать людям. Нас разделяют расстояния, но объединяет жизнь. И мы должны сохранить ее от нависшей сегодня над ней опасности, сделать все, чтобы она была чище и лучше...»

Покладая Театр Шанз-Елизе мы довольно поздно. Было немного грустно, как это всегда случается при расставании со старыми добрыми друзьями. Когда еще пересекутся наши пути... Но не прошло и месяца, как, проходя по одной из центральных улиц испанской столицы, я остановилась у свеженаклеенной гастрольной афиши. Знакомая улыбка Бипа приветствовала старых и новых друзей.

Т. КВАРДАКОВА,
спец. корр.
«Советской культуры»,
ПАРИЖ — МОСКВА.